

РАУГИЯЙНЕН
Никита Дмитриевич

бакалавриат, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия),
nikirau51@gmail.com

НЕМЕЦКАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1941–1943 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕНЕАЛОГИИ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ

Научный руководитель:

Савицкий Иван Владимирович

Рецензент:

Соломец Илья Мотелевич

Статья поступила: 09.11.2023;

Принята к публикации: 28.11.2023;

Размещена в сети: 01.12.2023.

Аннотация. Процесс переписи населения среди этнических меньшинств Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны, проведенный немецкими службами, практически не освещался ранее. В статье исследуется значимость составленных в процессе переписи списков для изучения генеалогии ингерманландцев. Весьма ценные и более доступные по сравнению с другими источниками, с которыми имеются лишь небольшие расхождения, переписные листы являются богатыми на преподносимые сведения и эффективными в родословном поиске.

Ключевые слова: генеалогия, ингерманландские финны, списки населения, оккупация Ленинградской области, *vähemusrahvuste nimekirjad*

Для цитирования: Раугияйнен Н. Д. Немецкая перепись населения 1941–1943 гг. как источник по генеалогии ингерманландских финнов // StudArctic Forum. 2023. Т. 8, № 4. С. 96–102.

Эвакуация в Финляндию ингерманландских финнов во время Второй мировой войны является довольно важным эпизодом как при изучении истории этого народа, так и при изучении генеалогии его представителей. Безусловно, эвакуацию невозможно было провести без документирования многих аспектов этого сложного процесса. В ходе документирования были созданы в том числе ранее рассмотренные миграционные карты [Раугияйнен], составленные на каждого взрослого эвакуируемого и изобилующие биографическими сведениями, а следовательно, довольно необходимые при изучении генеалогии ингерманландцев. Часть ингерманландских финнов не была эвакуирована: кто-то оказывался от переселения ввиду различных причин, кто-то до эвакуации не дожил. При этом существует ещё один источник, сведения из которого способны внести большой вклад в исследование генеалогии ингерманландцев первой половины XX века, причем как эвакуированных, так и не задействованных в данном процессе.

Эвакуации предшествовал процесс переписи населения оккупированной территории, в рамках которого были составлены списки этнических меньшинств Ленинградской области, коллекция которых (*Leningradi oblasti vähemusrahvuste elanike nimekirjade kollektsoon*)¹ хранится в Национальном архиве Эстонии (*Rahvusarhiiv*). Данные списки практически не упоминаются в отечественных исследованиях. Н.Д. Козлов, описывая особенности оккупационного режима пригорода Ленинграда, указывает на многократное проведение немцами переписи населения, не упоминая отложившиеся в её ходе источники [Козлов : 283]. В. Цыпин приводил пример подобных переписей в виде

регистрации отдельных возрастных и этнических групп с целью помещения в концентрационные лагеря или уничтожения, не упоминая при этом регистрацию финского населения [Цыпин]. Эстонские исследователи Айги Рахи-Тамм и Арго Куусик в своей работе, посвященной эвакуации эстонцев во время Второй Мировой войны, уже упоминают исследуемые списки в контексте организации эвакуации, описывая лишь некоторые сведения, интересующие организаторов переписи. В качестве источника по генеалогии списки до сих пор не рассматривались. Более того, среди российских исследователей истории семьи они малоизвестны, несмотря на их доступность: списки оцифрованы и открыты для просмотра онлайн на архивном портале Saaga². Автору известна лишь одна работа с использованием этих материалов для изучения своей генеалогии (без ссылок на эстонский архив)³. Целью данной работы является выявление ценности данных списков как генеалогического источника через анализ объема передаваемых ими данных, выявление несоответствий с другими документами и оценивание эффективности родословного поиска с помощью этих списков на конкретных примерах.

Сама перепись проводилась для ознакомления с положением представителей национальных меньшинств с целью дальнейшего их переселения в иные места проживания [Rahi-Tamm : 109]. Коллекция содержит в себе списки эстонцев, литовцев, латышей, немцев, финнов (списки по ним будут использованы в работе) и води, разбитые по районам Ленинградской области. По представлениям нацистских властей указанные народы занимали более высокое положение, нежели русские, поэтому могли быть сохранены и вывезены за пределы Советского Союза. Более того, весьма равнодушны к судьбе одного из этих народов, ингерманландцев, были финны [Халтсонен : 450].

Организатором переписи была осуществлявшая подавление народного сопротивления [Козлов : 281] Айнзацгруппа А полиции безопасности и службы безопасности [Rahi-Tamm : 107], что подтверждается надписью на обложке каждого разворота списка (Herdhaltungsliste). На некоторых листах уточнялось: «Dienststelle Reval (Sonderkommando 1.a.)» – Департамент Ревеля, Зондеркоманда 1А. Она являлась подкомандой Айнзацгруппы А до её реорганизации в 1942–1943 годах. На каждой обложке указывался район (Rajon), муниципалитет/община (Gemeinde), деревня (Dorf) и номер листа по этому населенному пункту. Сами списки оформлены в виде таблицы, графы которой написаны на трех языках: немецком, финском и эстонском. Сам список мог вестись на одном из этих языков, у финнов чаще всего он велся на финском и немецком.

Каждая строка списка отражает сведения об одном человеке. В отличие от миграционных карт, составлявшихся на каждого взрослого человека (в карте которого уже могли упоминаться его дети), списки указывали детей наравне со взрослыми. Помимо основных данных (фамилии, имени, даты и места рождения), указывалось семейное положение (состоит ли в браке; является вдовцом или вдовой) и членство в семье (кем приходится главе семьи). В некоторых списках для удобства просмотра семьи были отделены друг от друга штрихами. В случае гибели человека, которая не всегда регистрировалась органами ЗАГС во время Великой Отечественной войны, ставилась соответствующая отметка с датой смерти. Списки предусматривали указание профессии, но зачастую ограничивались значениями «земледелец» (maanviljelijä/Bauer) и «рабочий» (työläinen/Arbeiter). Присутствуют уточнения, например «учитель» (opettaja), «гидротехнолог» (hydröteknikko) или «пекарь» (leipur), но в миграционных картах профессия описана точнее. Кроме профессии переписываемых, мы можем почерпнуть сведения и об их образовании: указывалось количество лет обучения в школе (иногда уточнялось – количество лет, проведенных в начальной школе, alakoulu), а если пройдены следующие ступени образования, то учитывались и они (например, Педагогический техникум –

Pedteknikumii). В ином случае ставилась отметка о непосещении школы. Существуют некоторые несовпадения с данными миграционных карт в количестве лет обучения, но они, как правило, невелики – порядка одного года. Такие несоответствия могут обуславливаться разными способами учета образованности: если в списках указывалось количество лет обучения, то в миграционных картах зачастую ставились иные условные обозначения, подразумевающие, возможно, ступени образования.

Lfd. Nr. Nam. Idnr. Äärite Nr.	FAMILIENNAME SUKUNIMI PEREKONNANIMI	VORNAME ETUNIMI EESNIMI	Geb. Datum Syntymä- päivä Sünniaeg	Geburtsort Syntymäpaikka Sünnikoht	Familien- stand Avioliit- toisuus Perek. seis	BERUF VIRKA ELUKUTSE	Ausbildung Koolitus Haridus ja kutseseis.
1.	Majja	Werner	09 IV 1888	Ammanoisio	amol.	Hydralääkintöke	2 v. ala - k.
2.	"	Saima	22 II 1897	"	leiki	Opettaja	10 v. luv.
3.	"	Elina	13 II 1897	"	"	"	"
4.	Pausa	Maria	10 I 1898	Hä - Puskeara	amol.	maamöij.	2 v. ala - k.
5.	"	Kajus	29 IV 1898	Puusala	"	"	2 v. " "
6.	"	Antas	29 IV 1898	"	"	"	2 v. " "
7.	"	Anna	23 IV 1898	Kuola	leiki	maamöij.	2 v. " "
8.	Rouhiainen	Antti	11 II 1900	Rokkela	amol.	työläinen	Pedtekn.
9.	"	Kajanus	25 II 1900	"	"	maamöij.	2 v. ala - k.
10.	"	Eero	08 II 1901	"	"	"	2 v. " "
11.	"	Sybe	16 II 1903	"	"	"	"
12.	"	Antti	22 II 1905	Tuusa	"	"	"
13.	"	Antalo	25 II 1906	"	"	"	"
14.	Kuntti	Juha	02 II 1906	Tuukino	amol.	työläinen	2 v. ala - k.
15.	"	Anna	20 II 1907	Tuukino	"	"	2 v. " "
16.	"	Ilmo	20 II 1908	Tuukino	"	"	"
17.	Hämäläinen	Maria	25 IV 1895	Kuola	amol.	maamöij.	3 v. ala - k.
18.	"	Helmi	29 IV 1895	"	amol.	"	10 v. " "
19.	"	Anna	15 II 1895	"	"	"	6 v. " "
20.	"	Sempi	01 I 1905	"	"	"	2 v. " "
21.	Lahtinen	Eera	1906	Ruokila	amol.	työläinen	2 v. " "
22.	"	Sinikka	16 IX 1906	"	"	"	"

Рис. 1. Пример переписного листа (левая часть разворота)⁴

Важным для немецких служб было и уточнение национальности каждого человека. Эта графа существовала несмотря на общее разделение списков по национальностям, поскольку были возможны смешанные семьи, где, например, отец был ингерманландцем, а мать – русской. Существовала отдельная графа для эстонцев с вопросом о необходимости немедленного перевода в Эстонию. При положительном ответе необходимо было уточнить причину срочности такого перевода. Указывался родной язык переписываемого (в большинстве случаев это финский), а также другие иностранные языки, которыми он владел. Как правило, это был русский, но владение им было не всеобъемлющим. Политическая надежность также интересовала полицию безопасности – Рахи-Тамм и Куусик уточняют, что люди, прожившие в «коммунистической стране» в течение двадцати лет, были в глазах нацистов совсем не заслуживающими доверия [Rahi-Tamm : 110]. Несмотря на это, в графе о политической надежности, как правило, ничего не указывалось. Были исключения: например, указание на членство в комсомоле в определенные годы, но и тут могут иметься некоторые несоответствия уже известным фактам: сроки пребывания в молодежной организации могли сознательно уменьшаться опрашиваемым, дабы быть в более безопасном положении перед оккупантами, нежели он может быть, а членство в партии и вовсе замалчиваться. Похожие сведения, а именно законопослушность, интересовали и составителей миграционных карт [Раугияйнен : 13]. Учитывая частоту указывания сведений в данной графе, можно сделать вывод о не самой высокой необходимости (или даже некоторой пренебрежительности) в понимании политической надежности населения в процессе переписи, либо о низком количестве «политически опасных» граждан (или их сокрытии) среди ингерманландцев на оккупированной территории.

Интересовало немецкие службы и имущество населения – до прихода большевиков к власти и на данный момент. Первое указывалось намного реже, нежели второе. В случае

указания имущества в обеих графах был виден явный перевес в количестве дореволюционного имущества. Описывалось количество земли в гектарах, количество скота (отдельно для каждого вида поголовья). Эти данные позволяли организаторам переписи понять, в какой степени имущество людей было уничтожено или конфисковано за годы советской власти [Rahi-Tamm : 110], однако цель такой заинтересованности не совсем ясна. Несмотря на это, подобные данные по-своему уникальны, поскольку в миграционных картах эти категории не описываются, а документы с описанием количества земли и скота у ингерманландских жителей 1920–1930-х годов довольно редки.

Богата на преподносимые сведения графа «примечания». Всегда указывалась конфессиональная принадлежность переписываемых, в большинстве случаев это было лютеранство. Довольно часто встречаются отметки о мобилизованных мужьях и сыновьях. Кроме имени мобилизованного, указывались его год рождения и дата мобилизации в Красную Армию (иногда с точностью до дня призыва). Вписывались сведения (имя и год рождения) о родственниках, находящихся в Ленинграде (иногда в больнице Ленинграда) или за границей. В примечаниях имеются весьма подробные записи о болезнях: «рука и нога парализованы» (Hand und Fuss paralyisiert), «Сахарная болезнь» (Zuckerkrankheit), «инвалид – без руки» (Inwalid – ohne hand), «болен» (Krank) и другие. Нетрудоспособные обозначались статусом «ei tule toimeen». Часто указывалось, что переписываемый не может перезимовать без помощи (Kann nicht ohne Hilfe überwintern), что свидетельствовало о не лучших условиях жизни местного населения в условиях оккупации. Это подтверждали и в самой Германии: проект переселения ингерманландцев от декабря 1941 года сообщал о ничтожном количестве продовольствия, которого хватило бы на срок до двух месяцев, и невозможности предоставления достаточной помощи со стороны германских войск [Халтсонен : 450]. При этом, как сообщало управление НКВД по Ленинградской области, летом 1941 года именно немецкое командование полностью отбирало урожай и теплую одежду (часто это доходило до откровенного грабежа) у местного населения, что вкупе с последствиями боевых действий привело большому количеству смертей от голода и болезней зимой 1941–1942 гг. [Мусаев : 294-295]. Более «лояльное» отношение нацистов к финно-угорскому населению также не мешало им рассматривать ингерманландцев в качестве рабочей силы, изнурять и истязать их наравне с русскими [Козлов : 286]. Тем не менее, по просьбам своих союзников, Германия весной 1942 года начала оказывать продовольственную помощь остающимся на грани голодной смерти ингерманландцам [Мусаев : 295]. Более сложен для понимания статус «беженцы от войны» (Kriegsflüchtlinge), указывающийся далеко не у всех. Возможно, так разделялись люди, бегущие от боевых действий в более спокойные районы и живущие непосредственно на оккупированных территориях.

Нахождение человека в одном из списков также позволяет уточнить его место жительства на начало 1940-х годов, что является довольно важным в отслеживании его перемещений: многие ингерманландские деревни, упомянутые в более ранних переписях (последние церковные списки населения (Rippikirja) в некоторых приходах датированы 1920–1930 годами, а в некоторых подобные вообще отсутствуют), уже не существовали. Кроме того, нахождение человека в переписных листах помогает подтвердить или опровергнуть семейные легенды. По одной из таких было известно, что Екатерина Петровна Роугийнен, жительница Красносельского района, умерла во время оккупации. В миграционных картах её детей стоит отметка о гибели матери без уточнения года смерти. В переписных листах можно увидеть Екатерину жительницей посёлка Тайцы. Таким образом устанавливается период, в который она могла умереть: от даты начала проведения переписи до даты заполнения миграционных карт её детей, что подтверждает семейную легенду. Помогают списки и в установлении родства: Айно-Нина Тимонен, потерявшая родителей во время

бомбежки, точно знала, что упомянутая Екатерина была её бабушкой. Требовалось узнать, кто из шести сыновей Екатерины был её отцом. В расследовании помогли указанные списки, в которых Айно-Нина указывалась с овдовевшим отцом и братом. Подобный поиск родственников, особенно женщин (затруднительный из-за традиционной перемены ими фамилий), возможен, поскольку в источнике прописывается дата и место рождения, с которыми можно обращаться к записям о рождении для определения их в системе родства.

Так как не всё население, упомянутое в списках, было вывезено за пределы Советского Союза, данные переписи могут быть порой единственным используемым в генеалогическом исследовании источником информации о жизни оставшихся в Ленинградской области ингерманландцев начала 40-х годов XX века. В случае отсутствия более ранних источников, данные списки способны стать основой для родословных поисков среди ингерманландцев первой половины XX века, началом поиска «вглубь веков», а также привести новые сведения в уже проведенные исследования.

Таким образом, списки населения, составленные немецкими службами на территории Ленинградской области, весьма богаты на сведения о представителях национальных меньшинств, в том числе об ингерманландцах, и являются весьма важными в процессе изучения их генеалогии. Сведения о семье, профессии, образовании и имуществе ингерманландца, преподносимые в переписных листах, гораздо доступнее аналогичных сведений из иных источников ввиду более свободного доступа для исследователей. Несмотря на небольшие расхождения с другими источниками, значимых несоответствий с действительностью в списках не обнаруживается. Поиск по данным спискам может быть весьма эффективен, что проиллюстрировано на конкретных примерах. Результаты этого поиска могут приводить как к дополнению небольшими фактами уже исследованной семейной истории, так и воссоединению целых семей. Исходя из вышеперечисленного, списки можно считать довольно важным источником по генеалогии ингерманландских финнов.

Примечания

¹ Rahvusarhiiv. ERA.R-1916.

² Режим доступа: <https://www.ra.ee/dgs/explorer.php?tid=174&iid=110000018151&tbn=1&lev=yes&lst=2&hash=c6805de37bb267cccf4fec8ed4e3184> (дата обращения: 08.11.2023).

³ "Идущий впереди – мост для идущего позади": история ингерманландского рода Тупина – Муони / Сост. Т.В. Тупина. Муезерский, 2022. С. 37-39.

⁴ Режим доступа: https://www.ra.ee/dgs/browser.php?tid=174&iid=110703382848&img=erar-0-1916_001_0000115_00051_t.jpg&tbn=1&pgn=3&prc=100&ctr=0&dgr=0&lst=2&hash=8990fedc9d71e3dd9249f83d6c8eae4b4 (дата обращения: 08.11.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Козлов Н.Д. Особенности оккупационного режима и повседневной жизни населения пригородных районов осажденного Ленинграда // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: подвиг народа и уроки истории: Сборник статей по материалам Международной научной онлайн конференции, Казань, 20–21 октября 2020 года. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2020. С. 279–290.

Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX—XX веке. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2003. 450 с.

Раугияйнен Н.Д. Миграционные карты как источник по генеалогии // Научно-

исследовательская работа обучающихся и молодых учёных: Материалы юбилейной 75-й Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых учёных, Петрозаводск, 03–23 апреля 2023 года. Петрозаводск: ПетрГУ, 2023. С. 12–14.

Халтсонен С. История ингерманландских финнов / пер. с фин. Д. Орехов. Санкт-Петербург: Гйоль, 2020. 544 с.

Цыпин В. Павловск в годы оккупации // Павловск [сайт]. Павловск, 2015. URL: <https://vpavlovsk.ru/pavlovsk-v-god-okkupac> (дата обращения: 08.11.2023).

Rahi-Tamm A. Tagasi esivanemate maale: eestlaste evakueerimine Loode-Venemaalt 1942–44 / A. Rahi-Tamm, A. Kuusik // Ajalooline Ajakiri. 2017. № 1 (159). S. 103–137.

Nikita RAUGIAINEN

bachelor's degree, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia),
nikirau51@gmail.com

GERMAN CENSUS OF 1941–1943 AS A SOURCE FOR THE GENEALOGY OF INGRIAN FINNS

Scientific adviser:

Ivan V. Savitsky

Reviewer:

Ilya M. Solomeshch

Paper submitted on: 11/09/2023;

Accepted on: 11/28/2023;

Published online on: 12/01/2023.

Abstract. The process of conducting a census among ethnic minorities of the Leningrad region by the German services during the Great Patriotic War has been practically unexplored before. This article delves into the importance of the compiled lists from said census for the study of genealogy among Ingermanlanders. These lists are of considerable value and are more accessible when compared to other sources, with only negligible inconsistencies, rendering them highly informative and efficacious for genealogical research.

Keywords: genealogy, Ingrian Finns, census lists, Leningrad region occupation, vähemusrahvuste nimekirjad

For citation: Raugiainen, N. German Census of 1941–1943 as a Source for the Genealogy of Ingrian Finns. *StudArctic Forum*. 2023, 8 (4): 96–102.

REFERENCES

Kozlov N.D. Features of the occupation regime and daily life of the population of suburban areas of besieged Leningrad. *The Great Patriotic War of 1941-1945: the feat of the people and the lessons of history: Proceedings of the online international research conference, Kazan, 20-21 October 2020*. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2020, pp. 279-290. (In Russ.)

Musaev V.I. *Political history of Ingermanland in the late XIX-XX centuries*. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2003, 450 p. (In Russ.)

Raugiainen N.D. Migration cards as a source of genealogy. *Research work of students and young scientists: Proceedings of the 75th anniversary all-Russian scientific conference of students and young scientists (with international participation), Petrozavodsk, 03-23 April 2023*. Petrozavodsk, PetrSU, 2023, pp. 12-14. (In Russ.)

Haltsonen S. *History of Ingermanland Finns*. St. Petersburg, Gjol, 2020, 544 p. (In Russ.)

Tsy-pin V. *Pavlovsk in the years of occupation*. Pavlovsk: [website]. Pavlovsk, 2015. URL: <https://vpavlovsk.ru/pavlovsk-v-god-okkupac> (Accessed: 08.11.2023) (In Russ.)

Rahi-Tamm A., Kuusik A. Tagasi esivanemate maale: eestlaste evakueerimine Loode-Venemaalt 1942-44. *Ajalooline Ajakiri*, 2017, No. 1 (159), pp. 103-137.